

«ПАМЯТЬ СЕРДЦА» В ЛИРИКЕ В. ЯГАНОВА

Мир поэзии В. Яганова сформировало и укрепило послевоенное детство и юность. Спустя годы он вспомнит в своих стихах о «бабушкином поле», о «тыквенной каше», о «холодной промёрзшей школе», о вдовах, об учителях-фронтовиках и о многом другом, что было связано с войной.

Судьба людей военного поколения станет одним из мотивов первых его двух сборников, определит характер заглавий стихотворений, номинативно выделяющих положенную в основу тему, образ: «Фронтовик», «Солдатки», «Вдова», «Проводы ветерана», «Танец из 41-го», «Память» и др. В трактовке этого мотива лирической доминантой становится высказывание поэта: «На забвенье обречённых / Нету в памяти людской... / Как рукав повязкой чёрной, / Перехвачен век войной» («Память»).

Родившись в 1942-м, Яганов вряд ли помнил военные годы. Но воспоминания родных, взволновавшие поэта, отразились в его стихах. Война связывала воюющих и оставшихся в тылу. О тех, кто ушёл на фронт, были мысли матерей, жён, детей. Их любовь, верность давали силы воевать и верить в победу.

Стихотворение «Солдатки» – о женщинах, которые, узнав, что «По Транссибирской магистрали / Пройдёт военный эшелон», с детьми проделали долгий путь до станции, чтобы «в глаза родные заглянуть», «милых деток показать».

Мы видим далёкий полустанок, занесённый снегом, слышим завывание ветра. Прижимая к себе детей, укрывая их от холода, стоят женщины, всматриваясь в снежную даль, прислушиваясь к едва различимым звукам идущего поезда:

В душе солдаток затаённо
Надежда вспыхнула звездой:
В том эшелоне задымлённом
А вдруг окажется и мой!

Но «Теплушки мимо пролетели / Навстречу вьюге и войне». Образы ветра, вьюги, несущегося мимо поезда сливаются с образом войны – человеческой трагедии, которая передана поэтом почти в монументальном образе: застывшие от горя женщины и дети на перроне.

Так в стихотворении воплотились воспоминания матери поэта – Зои Васильевны Ягановой: «Среди солдаток, ожидая / Тот эшелон, судьбу моля, / Меня дыханьем согревая, / Стояла скорбно мать моя». Но это последнее четверостишие не делает стихотворение только фактом биографии, в нём отражена судьба целого поколения женщин, на плечи которых война взвалила семейные, трудовые заботы, научила их мужеству, терпению, стойкости, но не лишила их нежности, любви, сострадания, доброты.

«В горькой суете военных дней» раскрывается духовная красота, сила характера героини стихотворения «Бабушкино поле», которая заботилась о дочерях, «день таскавших брёвна на себе», о внуках и о картофельном поле, на котором «за троих работала порой», «орошая его потом и слезой». Образ поля в конце стихотворения перерастает в символ поколения, которое взрастили, сберегли в трудные военные годы матери, бабушки. Лирический герой признаётся:

До сих пор я к ней любовью полон.

До Победы, что пришла с весной,

Все мы были бабушкиным полем,

Орошённым лаской и слезой.

О женской верности, о памяти сердца пишет В. Яганов в стихотворении «Вдова». Его героиня – старая женщина: «...муж её, солдатом ставший, / В дом не вернулся как герой, / А стал он без вести пропавшим». Давно закончилась война, выросли дети, а она «в душе ждала и, ожидая, воскрешала». Дом, который они вместе построили с мужем до войны, был для неё продолжением жизни хозяина, её опорой в нелёгкой судьбе. Но война погубила

мужа, время разрушило дом, и только память о них живёт в сердце и не подвластна времени:

Уходят старые дома,
А память в сердце остаётся.

Мотив памяти сердца звучит в стихотворении «Знахарка». Женщина, «сухая, как прошлогодняя трава», таит ото всех свою «безмерную скорбь»: сын не вернулся с войны. Но она, несмотря ни на что, продолжает его ждать. Сердце женщины не очерствело от горя, оно отзывается на человеческую боль. Отдавая настойку герою, она говорит:

– Возьми, сынок, – прибудет сила,
Вернёшь здоровье не на год,
Всё берегла её для сына,
Ведь он израненный придёт...

Старая знахарка учит поэта душевной щедрости, отзывчивости на чужую боль, состраданию: «...для сыночка / Я новой травки поищу». Цепкая детская память сохранит навсегда «жанровые» картинки послевоенной нелёгкой поры и какой-то одновременно решительный и тревожный дух того времени.

Воспоминания дадут поэтическое вдохновение для создания таких стихотворений, как «Школа», «Школьная лошадь», «Учитель пения», «Учитель физкультуры» и др.

Образ школы вписывается в послевоенную жизнь страны: «Ещё над Россией / Вдовий стон...», «Не все ещё с фронта / Вернулись отцы».

Холодная, промёрзшая школа, тусклый свет керосиновой лампы. Взгляды детей прикованы к окну:

Школьная лошадь,
(который уж год)
В школу промёрзшую
А Уголь везёт.

Воз привезла
И, вздохнув тяжело,
Инистой мордой
Уткнулась в стекло.

И спустя много лет в памяти взрослого человека эти детские «картинки» станут неразрывными с послевоенным, суровым временем:

Глазами её,
Устремлёнными в класс,
Трудное время
Смотрело на нас.

В стихотворении «Учитель пения» поэт создаёт образ учителя-фронтовика, который разучивал с детьми солдатские песни:

Пели мы упоённо:
«Вот солдаты идут
По степи опалённой».
Бередили слова
Наши детские души,
Потому что для нас
Песни не было лучше.
И ребячьи сердца
Учащённее бились,
Потому что отцы
Не у всех возвратились.

Ощущение тех трагических дней передаётся в выразительно повторяющейся и преобразующей внутренний смысл стихотворения образной детали – деревянном протезе. Для детей – это часть весёлого учителя пения, «певучий» протез, который «подпевал нам, казалось». А для учителя – это «тяжёлый» протез, память о войне.

В стихотворении «Учитель физкультуры» образ учителя окружён ореолом романтики: ветеран войны с покалеченной кистью «...“солнце” / На зависть всем крутил на турнике». Во время войны в одном из боёв он был ранен:

Его нашли, но только через сутки...

Средь жёлтых гильз и ящиков пустых

Лежал он – обмороженные руки

Снаряд сжимали крепче рук живых.

Нетрудно представить авторитет и обаяние этого человека, сумевшего заново научиться покорять спортивные снаряды.

Он подходил к свисавшему канату,

Массируя калеченую кисть,

Нас вызывал по одному:

– К снаряду!

И говорил:

– Попробуй, подтянись!..

Мы, обессилев, падали, как ядра,

Но, ушибаясь, не таили зла:

Его, мы знали, так же, как к снаряду –

Отчизна в сорок первом позвала...

Два последних стиха в лирическом ключе завершают развитие сквозного образа и содержат значительный подтекст, закрепляя идею преемственности героических традиций и связи поколений.

Воспоминания о войне становятся не просто воспоминаниями, они определяют подход поэта ко всем событиям современности, к нынешнему отношению к участникам войны. Память – это чувство идущей жизни, наполнение её нравственным опытом героических лет. С теплотой во взгляде и с любовью смотрит поэт на старшее поколение:

В парке на площадке танцевали
Бабушки и дедушки степенные,
На груди созвездие медалей,
Музыка звучала довоенная...

...

Как вам объяснить, вчера рождённые,
Что они пришли непобеждённые,
Чтоб дотанцевать войною прерванный,
Танец этот свой из сорок первого.

(«Танец из 41-го»)

Память сердца поэта заставляет «работать» строки его стихотворений. И эта работа благотворна, она просветляет, облагораживает, она касается тонких струн человеческой души.